

Очевидно, центральной целью при использовании АУС является человек, рассматриваемый скрупулезно, всесторонне, масштабно. Весьма незначительная часть характеристик человека освещается единицами только одного языка, не находя отклика в других языках, например, только в русском особо выделяется зоркость (*зоркий как ястреб*), в белорусском – плодovitость (*плодна як свіння*), в чешском – свежесть кожи (*svěží jako broskev ‘персик’*), в болгарском – состояние униженности (*жалък, засрамен, посрамен като мокра кокошка ‘курица’*), в английском – надежность (*as safe as a house*). Такие единичные факты не могут свидетельствовать о том, что та или иная характеристика человека отсутствует в других языках, она лишь не закреплена в сознании говорящих в подобной форме. Существуют ситуации, когда АУС с одинаковой эталонной частью применяются для характеристики разных состояний, например, в русском языке в отличие от болгарского с *мокрой курицей* сравнивают не униженного, а удрученного, подавленного человека.

Заключение. В данной работе на примере АУС восьми языков было показано, что человек представляется центральным элементом в языковой картине мира, и это универсалия. Характеристики людей, представленные АУС, различаются в малой степени, что отражает незначительные особенности в миропонимании человека носителями языков, представленных в исследовании. Мы полагаем, что языковое многообразие отражает многообразие объективного мира, а их единообразие – результат общности человеческого познания.

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ КАК СМЫСЛООБРАЗУЮЩАЯ КАТЕГОРИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Е.Ю. Муратова
Витебск, ВГУ имени П.М. Машиерова

Основываясь на определении Ю.Н. Караулова, можно сказать, что к числу прецедентных феноменов относятся такие тексты, имена, ситуации, которые, во-первых, хорошо известны всем представителям национально-культурного сообщества («имеющие сверхличностный характер»), во-вторых, актуальные в познавательном и эмоциональном плане, в-третьих, обращение к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингво-культурного сообщества [1]. Прецедентные феномены могут быть вербальными (разнообразные тексты), невербальными (произведения живописи, архитектуры, скульптуры) и вербализуемыми (прецедентные ситуации).

Прецедентное имя – это «индивидуальное имя, связанное с широко известным текстом, как правило, относящимся к прецедентным (например, Печорин, Теркин), или с прецедентной ситуацией (например, Иван Сусанин); это своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не к собственно денотату, а к набору дифференциальных признаков данного ПИ; может состоять из одного (например, Ломоносов) или более элементов (например, Куликово поле, «Летучий голландец»), обозначая при этом одно понятие» [2, с. 52-53].

Цель статьи – доказать, что прецедентные имена являются смыслообразующей категорией поэтического текста.

Материал и методы. Фактическим материалом служат поэтические тексты М. Цветаевой. Используется описательный метод и контекстуальный анализ.

Результаты и их обсуждение. Важнейшей составляющей концептуальной картины мира является персоносфера культуры и языка, т.е. сфера реальных или вымышленных личностей, через образы которых мы осмысливаем мир. Можно говорить о персоносфере разных народов в разные исторические периоды и о персоносфере отдельного человека. Персоносфера – это своеобразная репрезентация когнитивного уровня языковой личности сквозь призму личных имен. И это особенно значимо и важно, если в качестве языковой личности выступает поэт, поскольку его персоносфера, имплицитованная в творчестве, является своеобразным ключом ко многому – к биографии, внутреннему миру, фи-

лософии жизни и творчества. Личное имя, по мнению П. Флоренского, в литературном произведении является «категорией познания личности» [3, с. 28]. Силу личностных форм собственные имена имеют не только по отношению к их носителям, но и к автору художественного произведения, поскольку сам выбор личных имен персонажей, способ подачи этих имен в тексте, формы употребления, характер художественного преломления отражают специфическую организацию творящего сознания.

Докажем эту мысль примером из творчества М. Цветаевой. Особое место в ее творчестве занимают мифологические и библейские имена. В мире мифологии ее привлекают прежде всего натуры сложные, непрямые, противоречивые, например Федра, образ которой Цветаева воплотила и в стихах, и в поэтической драме. «Федра» М. Цветаевой относится к циклу ее классических пьес, то есть тех, в которых в качестве литературных источников она использует античную мифологию. В сравнении с разными вариантами изложения легенды пьеса М. Цветаевой примечательна верностью каноническому пересказу Еврипида, она минует неоклассические и более поздние интерпретации и возвращается к античности как источнику сюжета и формы. Но экспрессивность стиха, ретроспективное осмысление текста и трактовка образа Федры делают произведение Марины Цветаевой по-настоящему оригинальным. Первая же запись в черновых тетрадах Цветаевой, относящаяся к образу Федры, расставляет акценты, разводящие цветаевскую драму и канонический миф. «Федра сильна невинностью!» [4, с. 305], – утверждает Цветаева. В контексте традиционного восприятия образа Федры данное утверждение является более чем спорным. Во-первых, по мифологическим канонам Федра несет ответственность за грехи своей матери Пасифаи, над родом которой тяготеет страшное проклятие Афродиты за то, что его основатель, Бог солнца Гелиос, некогда выдал мужу Афродиты ее тайную любовную связь с богом Аресом. Во-вторых, виновность Федры несомненна и сама по себе, так как страсть к пасынку – это страшный грех. Но М. Цветаева не обвиняет Федру, она – первая из воплотивших сюжет о Федре, кто относится к ней сочувственно. Она смягчает вину Федры: в финале героиня не оставляет обвиняющей Ипполита записки, как у Еврипида, и не винит его перед самоубийством, как это было в пьесах Сенеки и Расина. М. Цветаева меняет акценты в образе Федры: она понимает необузданность ее страсти. Такой образ Федры отражает мировосприятие М. Цветаевой, которая ни в чем не принимала бесстрастия и безразличия, которая сама была «безмерностью в мире мер» (II, 186).

Заключение. Таким образом, прецедентное имя может отражать не только культуру, историю, менталитет народа, но выражать позицию автора на социальные, нравственные, эстетические ценности, которые поэт несет читателю через свое творчество, превращая тем самым прецедентное имя в смыслообразующую категорию поэтического текста.

Список литературы

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Едиториал УРСС, 1987.
2. Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность?: Человек. Сознание. Коммуникация. М.: Диалог-МГУ, 1998.
3. Флоренский П. А. Пути и средоточия // Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1999. Т. 3: У водоразделов мысли.
4. Цветаева М. Неизданное. Записные книжки: в 2 т. М.: Эллис Лак, 2000–2001. 2 т.

ЛЕКСІКА КІТАБА ХІХ СТ. (ВОПЫТ ЛЕКСІКАГРАФІЧНАЙ РАСПРАЦОЎКІ)

*В.І. Несцяровіч
Віцебск, ВДУ імя П.М. Машэрава*

Актуальнасць праведзенага даследавання заключаецца ў раскрыцці лексічнага багацця беларускай мовы ХІХ ст., выкарыстанай татарскімі перапісчыкамі ў арабскаалфавітным манускрыпце, выяўленні адметнай лексікі, якая характарызуе стан тагачаснай мовы і раскрывае духоўную і матэрыяльную культуру “літоўскіх” татар. Для